

Экспресс-выпуск • Express-issue

2001 № 152

СОДЕРЖАНИЕ

- 603-613** Современное состояние авдотки
Burhinus oedipnemos в Болгарии.
Д.НАНКИНОВ, С.ДАЛАКЧИЕВА
- 614-619** Орнитологические наблюдения
в долине нижнего течения реки Китой.
В.В.ПОПОВ, В.В.ХИДЕКЕЛЬ
- 619-621** Гнездование серебристых чаек *Larus argentatus*
на крышах зданий в Санкт-Петербурге.
С.Г.ЛОБАНОВ
- 622-630** Изменения в составе флоры и фауны Новгорода
за время Отечественной войны.
Б.К.МАНТЕЙФЕЛЬ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Россия 199034 Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский университет
Кафедра зоологии позвоночных

Express-issue

2001 № 152

CONTENTS

-
-
- 603-613** State of the Stone Curlew
Burhinus oedicnemus in Bulgaria.
D.NANKINOV, S.DALAKCHIEVA
- 614-619** Ornithological observations in the lower reaches
of Kitoi River. V.V.POPOV, V.V.KHIDEKEL
- 619-621** The herring gulls *Larus argentatus* nesting on buildings
in St.-Petersburg. S.G.LOBANOV
- 622-630** Changes in plant and animal diversity at Novgorod
during the course of the Great Patriotic War.
B.K.MANTEUFEL
-
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

State of the Stone Curlew *Burhinus oedicnemus* in Bulgaria

Dimitar Nankinov, Svetla Dalakchieva

Institute of Zoology, BAS, Boul. "Tzar Osvoboditel", 1, 1000 Sofia, Bulgaria

E-mail: s_dalakchieva@hotmail.com

Received 15 June 2001

It is known (Gladkov 1951) that the Stone Curlew *Burhinus oedicnemus* inhabits North Africa and Southern Eurasia, from the Canary Islands, Portugal and England, to Indochina peninsula to east. It is patchedly distributed in Europe. This is one of the weakly studied birds in Bulgaria. The existing information about the species is reduced to accidental records of single individuals or flocks. Although there are short summaries about the state of the Stone Curlew (Nankinov 1989; Nankinov *et al.* 1997) and also 34 observations were cited (Uhlig, Baumgart 1995), there is no a complete research with generalisation of all existing information on the species in Bulgaria. Recently we felt the necessary of gathering the existing data and their putting in a detail article, which to give a correct idea of the state of the species and to stimulate the further researches. Still more in some contemporary European reference books (Cramp, Simmons 1983; Snow, Perrins 1998, Hagemeyer, Blair 1997) the information about this bird in Bulgaria is poor and incorrect.

Materials and methods

In this article together with the results of our own field researches in different parts of the country, we try to generalise all known data on the Stone Curlew, published in Bulgarian and foreign literary sources from 1870 to nowadays (Elwes, Buckley 1870; Hristovich 1890; Reiser 1894; Varbanov 1934; Jordans 1940; Patev 1950; Petrov, Zlatanov 1955; Boev *et al.* 1964; Prostov 1964; Grössler 1967; Baumgart 1970; Robel 1973; Robel *et al.* 1978; Donchev 1974, 1977, 1994; Hoyer 1975; Hoyer, Hoyer 1978; Michev, Raikov 1980; Michev *et al.* 1999; Roberts 1980; Petrov 1981, 1985; Nankinov 1982, 1989; Nankinov *et al.* 1996, 1997, 1998; Ernst 1988; Btehme 1989; Milchev 1991, 1998; Milchev, Kovachev 1998; Katrandjiev 1995; Barov 1996 and others). We also used data from the collections of the National Museum of Natural History in Sofia and the country museums (Stribarni 1929; Peshev 1971; Dimitrov 1981; Nonev 1982). However most of the information was collected during the last 25 years, when the Bulgarian Ornithological Centre created a mass correspondent net, three field-stations and the bird observations became more regular.

Result and discussion

Territorial distribution

Until now the Stone Curlew has been recorded in 139 places on the territory of Bulgaria, which provisionally can be grouped in 8 regions.

1) The valleys of rivers Struma and Mesta (Southwest Bulgaria) are young, new habitats, which the Stone Curlew is reclaiming now. We observed a pair on

21.V.1974 to the east of the village Petrenik near the border with Greece. This is still the only record of the species on the Bulgarian part of river Mesta. We know about the breeding of Stone Curlews on the outfall of river Mesta in Greece from one specimen in the collection of the National Museum of Natural History - Sofia, collected on 2.V.1942 near Kamimuty. At the beginning of August 1977 the species was observed in the valley of river Struma, by the town of Kresna (Ernst 1983) and later on to the south of Kresna, near the villages Valkovo, Starchevo and the town of Bragoevgrad (Darakchiev, Filipova 1986). On 12.V.1986 we found a pair nesting on the sand in the outfall of river Melnishka at about 100 m from the railway line. According to people from the village Gorno Spanchevo the bird nests on the land of the village and they regularly listen to it. A just arrived bird was observed on 8.IV.1990 by the fishing-pool of Blagoevgrad (Nankinov *et al.* 1996). R.Uhlig and W.Baugart (1995) announced an observation near Gorgoritsa.

2) The Sofia hollow. It is an old nesting place of the species in Bulgaria, situated mainly to Northwest from the capital. We judge for its existing from the exponents in the National Museum for Natural History: 7.IX.1890 — the surrounding of Sofia, 9.IX.1903 — the town of Sofia, 9.X.1925 — by the palace Vranja, 18.VIII.1934 — near Dragotintsi. Birds caught in Sofia on 8.VIII.1899, 7.IX.1899 and 3.V.1947 were brought to Sofia Zoo. G.K.Hristovich (1890) recorded the species in Sofia, to the south of the town, by the town of Petarch and heard it by the railway station in Dragoman. According to him, the Stone Curlew is rare around Sofia. In the same time the bird has been common near Dragoman. There the dermatologist Chalopetzky collected a pair on 4.VIII.1892 (Reiser 1894). The species was recorded in Sofia area in 1894 ("Priroda" 1894, 4: 64). After that the Stone Curlew was observed on 29.IV.1938 near Slivnitsa (Jordans 1940), in May 1965 near the marsh of Aldomirovo (Uhlig, Baumgart 1995), on 6.V.1976 near Belidie Han (Michev, Raikov 1980; Roberts 1980). On 19.VI.1985 T.Nadskov trapped and ringed 3 non-flying young near the village of Opitsvet. Not far from there, by the village of Bezden, 2 pairs were living during the breeding period (8.V.-10.VI.1995) (Nankinov *et al.* 1998). Four birds (pair with two grown up young) were recorded on 15.VIII.2000 in the foot of Chepan Mountain by the marsh of Dragoman.

3) The Danube Lowlands. There are only 3 places where Stone Curlews has been recorded. In May 1929 one bird was collected for the Pleven Hunt Museum near the river Vit, by the town of Pleven. The second bird was shot on 19.VIII.1970 again near Pleven (Stribarni 1929; Dimitrov 1981). On 6 and 18.IV.1987 O.Mladenov (pers. comm.) observed 8 and 13 birds on a dike between the Danube and the fishing-pools of the village Mechka (of Ruse). On the same place he found a dead bird on 23.IV. According to R.Uhlig and W.Baumgart (1995) 3-5 pairs were recorded in 1966 and 1968 by the town of Razgrad. It appears to us that the species breeds on some other places in North Bulgaria and rests and feeds during the spring and autumn migration on many areas in Danube lowlands. According to E.Djuninski (pers. comm.), the Stone Curlew was not recorded in Northwest Bulgaria until now.

4) Northeast Bulgaria is the most regular breeding place of the Stone Curlew in our country. The species inhabited the seacoast and the steppes of Dobrudja

even during the past century (Elwes, Buckley 1870; Sintenis 1877; Alleon 1886). In July 1926 at dawn, the entomologist A. Muller (1927) heard melodious whistling of a curlew *Numenius* in the area between the town of Kavarna and Cape Kaliakra and to north near the place Iailite and Tauk liman (Rusalka). According to E. Udjian (1985) this whistling belongs to the Stone Curlew who breeds there. During the 1950es Stone Curlew was a common breeding bird on the open areas in Dobrudja, in the districts of Balchik, General Toshevo and Dobrich (Petrov, Zlatanov 1955). On 30.IX.1969 two birds were shot on the place "Pobitite kamani" for the collection of the Museum of Natural History in Varna (Peshev 1971).

A lot of information about records of Stone Curlews in Northeast Bulgaria was gathered during the last three decades. A part of it have been published: recorded breeding (Baumgart 1970); 8 specimens on 14.VII.1968 between Bolata and Rusalka; 12 birds on 17.VIII.1969 near Shabla (Robel *et al.* 1978); 2 birds on 12.VIII.1972 by Tjulenovo (Hoyer 1975); on 20.IV.1973 by the village of Krasen (Nonev 1982); 6-14.VIII.1976 — recording between Rusalka and Tjulenovo (Ernst 1983); 11 specimens on 28-30.VIII.1980 between Tjulenovo and Kamen briag (Uhlig 1991); at least 3 pairs on 2-3.VI.1986 between the villages of Sveti Nikola and Kamen briag (Brehme 1989); in June 1987 a pair near Kavarna, 4 pairs on Cape Kaliakra, 2 pairs at Kamen briag (Schimkat 1992). Interestingly, the observation of a Stone Curlew during the breeding season near the place Kanagiol by Alfatar (I. Mitev, pers. comm.). On 18.VIII.1988 about 10 breeding pairs and the nest with 3 eggs were found in Shumen district (Donchev 1994). In June 1992 a total of 32 pairs were observed in the area covering the village Balgarevo, place Zelenka, Cape Kaliakra, village Sveti Nikola, place Bolata, place Rusalka, place Iailite, village Kamen briag, village Tjulenovo, Shablenska tuzla, Shabla Lake, the villages of Ezerets, Krapets, Durankulak, Durankulak Lake and the boundary with Romania. In the next year 10 pairs were living between Cape Kaliakra and the village of Kamen briag. In July 1994 V. Katrandjiev (1995) observed a big colony of the species, numbering up to 173 individuals by the village of Spasovo. The adduced information shows that during the last decades the population of the Stone Curlew is extremely big in that part of Bulgaria.

5) In Southeast Bulgaria the species breeds regularly around Atanasovsko Lake. There is information on its founding there from 70 years ago. Around 1928-1929 the Stone Curlew began breeding on the bare hills by the villages of Rudnik and Laki. Five-six flocks of 9-10 birds were recorded there (Varbanov 1934). The birds were nesting on the same area during the 1950es too. A. Prostov (1964) found one bird on 11.VI.1954, the nest with 2 eggs on 13.V.1956 and shot a male bird on 31.V.1962. He observed the species also during the autumn migration. D. Förster recorded more than 2 birds near Atanasovsko Lake on 18.V.1962 (Grössler 1962). In the same area the species (a nest) was recorded in June 1972 (Michev *et al.* 1999) and also on 31.X.1976 (Roberts 1980). After the establishment of Ornithological field-station "Atanasovsko Lake" in 1978 the Stone Curlew was recorded nearly every year. 1-3 pairs breed there. It nests on the slopes by the inclined meadows to the north of the lake or on the hills by the village Rudnik. In 1990 a pair probably nests in a potato-field by the lake. On

26.VI.2000 we trapped and ringed a non-flying young in a meadow to the east of the lake and on 30.VI.2000 an adult bird was recorded on the same place. We suppose that Stone Curlew breeds on dry meadows and pastures to the south of Slanchev Briag, where K.Grössler (1967) regularly listened to it from 21.V to 14.VI.1962. Even during the past century O.Reiser (1894) found the species nesting on the sand dunes by Nesebar and around the Vaya lake in autumn. During the breeding season Stone Curlew was observed on 21-25.VII.1975 by the seacoast of village Lozenets (Hoyer, Hoyer 1978), between the villages Zornitsa and Voinika (Uhlig, Baumgart 1995), in May and June 1979 in a ploughed up field by the town of Karnobat (K.Nyagolov, pers. comm.), along the river Fakiiska (Milchev 1991) and on a small peninsula between the beach of Alepu and Zmiiski Island (one pair on 8.V.1989).

6) The valley of river Tundja. The Stone Curlew was recorded near the town of Maglish on 18.VI.1954, the town of Sliven on 8.X.1967, the village of Ovoshnik on 19.IV.1971 (Donchev 1974, 1977), to the west of Yambol on 26.VI.1970 (Robel *et al.* 1978), near the Kermen on 15.IV.1976, Mladovo and Zlati Voivoda (Petrov 1981), Asenovets (P.Yankov, pers. comm.), in the ex-marsh of Straldja in June 1998 (Stefanov 1998). It breeds on the Dervenski Heights (Milchev 1991), by dam lake Malko Sharkovo and the village of Boliarovo (June 1979).

7) Along the valley of river Maritsa the Stone Curlew breeds long since. During the past century it has been common in the district of Pazardjik, by the villages of Sinitevo, Mokrishte, Aleko Konstantinovo, Dragor, Ivailovo, Naiden Gerovo and on other places (Hristovich 1890). O.Reiser (1894) founds the species on 19 and 20.VI.1893 by the town of Chirpan and the village of Borovo. There are birds in the collection of National Museum of Natural History - Sofia, collected from Svilengrad (29.IV.1939) and the village of Katunitsa (of Plovdiv) on 13.VI.1958. It was recorded in the Hunt Park of Harmanli — 4 + 2 birds on 16.VII.1962 (Boev *et al.* 1964), to the east of Harmanli on 6.VII.1971 and by the village of Bogomil on 8.VII.1971 (Robel 1973), by the village Shishmantsi (of Plovdiv) (Michev, Raikov 1980), Ovchite Halmove (of Pazardjik) (Petrov 1981) and dam lake Trakiets on 4.VII.1972 (Yankov 1986). Three pairs were breeding by the artificial reservoirs in the Southwest part of Sakar mountain (Borisov 1988). They were recorded in that mountain again in 1994: 4.VIII — a pair, 11 and 14.VIII — pairs with 1 and 2 flying young (Milchev, Kovachev 1998). During the last 15 years Stone Curlew breeds regularly on islands in river Maritsa by the town of Parvomai (2-3 pairs) and by the dam lake Ovcharitsa. It has been recorded also by the fishing-pools of Plovdiv, by the dam lake Panicheri (H.Nikolov pers. comm.), by the villages Bogomil and Ovcharovo (of Topolovgrad), by the town of Svilengrad and the village Pravoslav (of Chirpan) (P.Yankov pers. comm.), and also by the village of Orizovo (of Plovdiv). During the period 1962-1965 pairs were breeding singly on the lands of each of the village Trivoditsi (of Plovdiv) and by the rivers Maritsa and Stara Reka.

8) The valley of river Arda came to be said to be a breeding ground of Stone Curlew after 1970. The birds were recorded on 7.VI.1970 by the village of Zlatolist (of Kardjali), on 30.IV.1972 and 11.IV.1982 by the town of Krumovgrad, on 18.IV.1974 and 7-8.VI.1984 (nest with 2 eggs) by the village of Dolna Kula, one

egg was found in 1983 by the village of Lulichka, on 22.VII.1984 on the outfall of river Varbitsa (Yankov 1986), on 4.VII.1971 to the south of Kardjali (Robel 1973), on 5-6.VIII.1977 by the dam lake Studen Kladenets (Ernst 1983), on the reserve Valchi Dol (Yankov, Nyagolov 1988), in the valley of river Krumovitsa near to its outfall in river Arda (Michev, Raikov 1980), adult and young birds were observed on 28.V.1996 along the river Krumovitsa to the south of village Potochnitsa (Barov 1996) and pair on 16.V.1989 by the village Djanka (Bojilov pers. comm.).

Number of the population

The Stone Curlews has a peak incidence in Northeast Bulgaria — 47 or 33.8% of the total number of records in the country. There is also the highest density of the population. Except the already known concentration of more than 30 pairs in the coastal area between Cape Kaliakra and the Romanian boundary, there are many other, larger concentrations of breeding pairs in inland Dobrudja, one of them is already cited one by the village of Spasovo. We suppose that in different years the population of the Stone Curlew in that part of the country varies between 100 and 200 pairs, may be even more.

The valley of river Maritsa is the second place according to the number of breeding records of the species. There Stone Curlews were observed in 30 places (21.6% of all records in Bulgaria). There are no large concentrations of breeding pairs. One or a few pairs nest in each site. We suppose that the breeding population of the Stone Curlew varies between 30 and 50 pairs during the years.

There are at 13 observations of Stone Curlews on each: along the South Black Sea coast and the valley of river Tundja (9.35%). It is possible that the number of populations in these 2 regions vary between 10 and 20 pairs.

The records in the Sofia hollow are 12 (8.6%). Some of them are old, but we think that in the past few years no less than 10 pairs of Stone Curlew bred in Sofia hollow, mainly in its northwestern part. It is possible, that the number of breeding pairs along the valley of rivers Arda (11 records or 7.9%) and Struma and Mesta (10 records or 7.9%) to be the same.

The observations of Stone Curlews are few in the Danube Lowlands (3 records or 1.4%). This low number is due to the lack of concrete studies at this area, as there are abundant suitable habitats for the species. Actually there will breed no less than 20 pairs. For the sake of information a greater part of the Romanian populations breeds in adjacent areas on the other bank of river Danube (Cramp, Simmons 1983).

Stone Curlew enlarges its habitats in Bulgaria due to many favourable factors during the last 30 years, inhabits new areas. Population steady increases its number. According to the “Red Book of Bulgaria”, number of the Stone Curlews in Bulgaria was unknown (Petrov 1985). During the 1980es, when “Fauna of Bulgaria” was writing, there were 30-60 pairs in the country (Nankinov 1989; Nankinov *et al.* 1997/. Later on the species number was estimated to 30-100 pairs (Snow, Perrins 1998) and 150-200 pairs (Uhlig, Baumgart 1995; Kostadinova 1997). As a whole, recent breeding population of the Stone Curlew in Bulgaria varies between 200 and 300 pairs with a trend to increase its number.

Habitats

Although the accepted determination that Stone Curlew is an inhabitant of dry areas, it is rather plastic and prefers various habitats in different parts of the country. The existence of a water reservoir even at dozens of kilometers away from the nest is an important precondition for the breeding of Stone Curlew in a certain region. In Northeast Bulgaria it inhabits steppes, unbroken new lands, stony areas, coastal dunes, desolated fields and yards, outskirts, pastures, dung-hills, cultivated fields. From the place Zelenka and Cape Kaliakra to 15 km to north (to the place Malkata Iaila) it inhabits an area of bare limestone rocks, covered with steppe vegetation, about 1 km wide. It was found in similar places in Struma region and other areas in the country. On the south Black Sea coast it lives on bare hills, sloped grounds by wet meadows, on fields, dunes and open, level places by the sea. Along the valley of river Tundja it settles on hilly areas, desolated and cultivated fields near the river, lands conquered from previous marshes, fallow lands and meadows. C.Petrov (1981) found it “during the breeding period in thorny formation (*Paleureta spinachristi*)”. According to G.K.Hristovich (1890), in the valley of river Maritsa the Stone Curlew “stays on sandy and clay soils rather than on black earth”. It inhabits islands with sandy and gravel parts among the rivers, open grass areas, covered with thin shrubs, vineyards, ploughed fields, other cultivated areas and dry basins of the rice-fields. Riverside stony areas with poor vegetation, “the dry parts of riverbeds, dry parts of dam-lakes” (Yankov 1986) — these are its habitats along the valley of river Arda. However along the rivers Struma and Mesta it prefers sand and gravel parts in riverbeds and open dry and erosive lands. Around Sofia it has been found on stony hills, covered with sparse grass and shrubs, cultivated fields, dry parts of water reservoirs and — in Danube Lowlands — on desolated fields, sandy areas, pastures and dunes by reservoirs.

The attachment of the Stone Curlew to limestone areas, covered with grass and sparse shrub vegetation, determines its distribution, which coincides with the karst regions of the country, mainly in hilly grounds in the foothills and along the Northeast Coastline. It has been estimated (Mödlinger 1979) that Stone Curlew prefers habitats with July air-humidity of 42-46% and average annual sunshine about and over 2000 hours.

Greater part of the population of Stone curlew in Bulgaria (90.65%) lives in habitats to 500 m above the sea level (to 100 m — 39.57%, from 100 to 200 m — 20.86%, from 200 to 300 m — 21.58% and from 300 to 500 m - 8.63%). Only small part (6.47%) lives from 500 to 700 m and only 2.88% of its observation are over 700 m above S.L.. There is no expansion of the species in the mountains as it is in the Pyrenees, where it inhabits areas from 1100 to 2900 m above the sea level (Berlic 1986).

Spring migration and breeding biology

The spring migration of the species passes unnoticeably during the night. This fact as well as the secrecy of the birds in daytime are the reasons, that the first birds arriving in the end of March to remain unobserved. Usually we see them about 10 days after their arrival, during the pair formation by the displaying calls

of males: 5.IV.1986 — East Rhodopi Mountains (Yankov 1991), 6.IV.1987 — the fishing-pools by the village Mechka of Ruse (O.Mladenov, pers. comm.), 8.IV.1990 — the fishing-pools by the town of Blagoevgrad (Nankinov *et al.* 1996), 12.IV.1990 — in Strandja Mountain (Milchev 1998), 12.IV.1993 — Atanasovsko Lake and so on.

The eggs are laid straight on the ground or in shallow scrape. Small stones, snails, twigs, bits of moss are used as nest-laying. Mainly the female broods, especially in nights and cooler hours of day. Male guards the nest. Most easily the brooding pair and the nest are recorded early in the morning, immediately after sunrise when the sun is still low over the horizon. The researcher has to move after his own shadow and to watch out for birds on the ground. Usually one of birds flies off far away from the nest, while the brooding one remains and slowly crawls away from the nest. The non-covered eggs shine in the sun and it is easy to find them. In mid-day the pair feeds around the nest.

The broods found until now consist of 2 eggs, 1 and even 3 eggs (Donchev 1994; Nankinov *et al.* 1998). Two eggs from Atanasovsko Lake have an average measure of 48.2×36.0 mm (Prostov 1964). Two other eggs found on 8.VI.1984 by the village Dolna Kula (of Kardjali) have the following measures: 51.5×37.45 and 50.7×37.6 mm (Yankov 1986). One egg found on 18.VIII.1988 near the town of Shumen was 54.1× 36.2 mm (Donchev 1994). Two eggs from the place Bolata (9.VI.2000) are 51.0×39.1 and 51.8×39.8 mm.

The population of the Stone Curlew is engaged in eggs-laying, brooding and raising young during April, May and June. Broods were found most frequently in May and June. It is possible some pairs to have a second brood. Displaying males were listened to on 29-30.VII.2000 near Atanasovsko Lake, on 12.VIII.1972 by the village Tjulenovo (Hoyer 1975). A very late clutch with 3 eggs was found on 18.VII.1988 by the town of Shumen (Donchev 1994).

Post-breeding concentrations and autumn migration

In contrast to spring migration, which passes for a short time, the period of post-breeding roaming and autumn migration of the Stone Curlew is very long in Bulgaria and sometime continues from mid-July to mid-November. After mid-July, families and small flocks leave the breeding grounds and concentrate in places with abundant food. As V.Katrandjiev (1995) wrote out of the breeding period at dusk the adult birds first set off for the feeding places. After a definite sign young join them. They feed on suitable places (dunghills, pastures, steppes, fields), where dozens and hundreds of specimens may concentrate. They eat large insects, snails, warms, lizards, small mammals (Patev 1950). Remnants of 10 crickets *Gryllus campestris* were found in the stomach of a Stone Curlew (Prostov 1964). In April 2000 a bird was resting and feeding on the beach of Obzor. Nearly all of the lizards found on the beach were without tails. Perhaps they were its main food on that place. Regularly every evening singly or in groups of 4-5 individuals the birds go to the nearest watering place. They return to the resting place for the day even after midnight. They rest and hide among deep grass and shrubs.

Migrants are recorded mainly on open areas along the Black Sea coast and the valleys of the south Bulgarian rivers (in steppes, desolated fields, fallow lands,

stubbles, vegetable gardens, lucerne fields, by the shores of water reservoirs with reed massifs and so on). Concentrations of flocks of autumn migrants were recorded in the ex-dune between Burgas and Lake Vaya — 2 flocks of 20 birds each in October (Reiser 1894). The species is very common during the autumn migration along the Black Sea coast (Petrov, Zlatanov 1955), more often during the period 15.IX-17.X (Prostov 1964). On 14.VIII.1968 8 birds were observed between the place Bolata and Rusalka, 12 specimens on 17.VIII.1969 by the town of Shabla (Robel *et al.* 1978), 7 specimens on 28.VII.1976 to the west of Albena resort (Uhlig, Baumgart 1995). Birds flies over Sofia district in September-October (Nankinov 1982).

According to the southwest direction of the birds ringed in Europe (Cramp, Simmons 1983) we suppose that the Stone Curlews migrating through our country are hatched in Romania, Ukraine and South Belorussia. Bulgarian birds probably fly to wintering grounds situated in South Greece and North Africa. Most lately a migrant was observed on 8.XI.1946 by the town of Burgas (Prostov 1964). It is possible in years with warm, snowless December single individuals to remain in suitable habitats along the Bulgarian Black Sea coast and in the valleys of south Bulgarian rivers. Still in the previous century A.Alleon (1880) described the Stone Curlew as rare in winter and spring around Constantinople. The species winters also in Greece (Bauer *et al.* 1969). At our latitudes there are permanent wintering grounds in Spain and Portugal. Using individual marking it was established that part of the Britain population spend the winter months in England (Glue, Morgan 1974).

Negative and positive impact

Some nocturnal birds of prey are among the enemies of the Stone Curlew. "Six ossicles of two Stone Curlews" have been found in pellets of an Eagle Owl (Boev 1993). Predatory mammals, homeless dogs and domestic animals are destroying eggs and nests. Adult and young birds die on the roads in night (Michev, Raikov 1980). During the hunting season Stone Curlew becomes a victim of careless and unconscientious hunters, when the birds are surprised and forced to fly off in front of the dogs. This happens especially in the end of summer and in autumn and causes a considerable negative impact on the population. The scraping up and trucking away of great amounts of inert materials (sand, gravel) from the dried out parts of the riverbeds lead to destruction of some broods (the summer of 1987 on the outfall of river Melnishka).

During the 1950es the population of Stone Curlew was submit to intense negative impact (destruction of habitats, pollution of environment, shooting and others) and its number decreased. However after 1970 and especially after 1990 the number starts increasing. Among the factors favouring the enlargement of the population is mainly the economic crisis in the country, as a result many of the cultivated fields now are desolated. There the species finds abundant food (mainly insects) and safety hidings.

The usage in agriculture of insecticides and rodenticides nearly stops. Many of the industrial enterprises work with decreased production capacities, some of them even stopped working or were liquidated. The water reservoirs became

more pure, air and soils are less polluted. The stock-breeding decreased and the pastures turn into safe breeding grounds for the birds. Because of the expensive hunting gears and fees the number of hunters decreased and the power of the hunting press became smaller.

This trend of enlargement of the Stone Curlew population may slow down and stop in case of intense agriculture and stock-breeding, sudden changes of the steppe habitats and of course under pollution of air, soils and water with different poisons.

The Stone Curlew is protected by the Law for Protection of Nature, it is included in the Red Book of Bulgaria. It is also in the Application II of Bern and Bonn Conventions and in Application I of the Directive of the Council of the European Commission on the conservation of wild animals. However beside the stable national and international status of Stone Curlew its protection is rather formal in Bulgaria.

Acknowledgements

We want to thank to Emil Djuninski, Nikolai Minchev, Konstantin Popov, Svetlan Kirilov, Valentin Bojilov, Petar Yankov, Konstantin Nyagolov, Hristo Nikolov, Ognian Mladenov and Ivan Mitev for the help in the field studies and for the personal communications on unpublished data.

References

- Alleon A. 1880. Catalogue des oiseaux observees aux environs de Constantinople // *Bull. Soc. Zool. France* 5: 80-116.
- Alleon A. 1886. Memoire sur les oiseaux dans la Dobrodja et la Bulgariq // *Ornis* 2: 397-428.
- Barov B. 1996. Ornitologichno vajnite mesta v Iztochnite Rodopi // *Ornithol. vajni mesta v Bulgaria* 7: 6-8.
- Bauer W., Helversen O. v., Hodge M., Martens J. 1969. *Catalogus Faunae Graeciae. Pars II. Aves*. Thessaloniki: 1-203.
- Berlic G. 1986. Installation et expansion de l'Oedicneme criard *Burhinus oedicnemus* en Cerdagne (Pyrenees-Orientales) // *Oiseau et Rev. Franc. Ornithol.* 56, 3: 296-300.
- Boev N., Georgiev J., Donchev S. 1964. Pticate v Trakia // *Fauna na Trakia*, 1: 55-105.
- Boev Z. 1993. Vidov sastav i metriczna harakteristika na pticate — jertvi na buhala (*Bubo bubo* (L., 1758)) (Aves, Strigidae) // *Hist. nat. Bulgarica* 4: 47-56.
- Borisov B. 1988. Ornitologicheski izsledvania v iugozapadnata chast na Sakar planina // *Ornithol. inform. bull.* 23/24: 24-38.
- Brehme S. 1989. *Excursionsergebnisse aus Bulgarien 1986 und 1987*: 1-7 (Manuscript).
- Cramp S., Simmons K. (eds) 1983. *The Birds of the Western Palearctic*. Oxford Univ. Press, 3: 1-911.
- Darakchiev A., Filipova J. 1986. Teritorialno razpredelenie na niakoi vidove dajdosvirtsovi ptici po srednoto techenie na r. Struma // *Nauchni trudove na PU "Paisii Hilendarski"* 24, 1: 201-206.
- Dimitrov V. 1981. Ornitologicheska kolektsia na Prirodonauchen muzei v gr. Pleven // *Ornithol. Inform. Bull.* 9: 12-24.
- Donchev S. 1974. Pticate na Sredna i Iztochna Stara planina // *Izv. na Zool. inst. s muzei pri BAN* 41: 33-63.
- Donchev S. 1977. Pticate na Rozovata dolina // *Acta zool. bulgarica* 6: 15-34.
- Donchev S. 1994. Ptici // *Chervena kniga na Shumenski region*: 93-173.
- Elwes H., Buckley T. 1870. A List of the Birds of Turkei // *Ibis* 6: 327-341.

- Ernst S. 1983. Die wichtigsten ornithologischen Nachweise dreier weiterer Exkursionen 1975, 1976 und 1977 durch Bulgarien // *Beitr. Vogelkd.* **29**, 4: 229-242.
- (Gladkov N.A. 1951) Гладков Н.А. 1951. Отряд Кулики Limicolae или Charadriiformes // *Птицы Советского Союза*. М., 3: 3-372.
- Grössler K. 1967. Faunistische Notizen von der Schwarzmeerküste Bulgariens // *Larus* **19**: 212-235.
- Hoyer H., Hoyer E. 1978. Beobachtungen in den bulgarischen Salinengebieten // *Falke* **7**: 224-228.
- Hristovich G. 1890. Materiali za izuchavane balgarskata fauna // *Sbornik narodni umotvorenia* **2**: 185-228.
- Jordans A. 1940. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vogelwelt Bulgariens // *Mitt. Kgl. naturw. Inst. Sofia* **13**: 49-152.
- Katrandjiev V. 1995. Pisma na nashi chlenove // *Neophron* **1**: 15-16.
- Kostadinova I. (ed) 1997. *Ornitologichno vajni mesta v Balgaria*. Sofia: 1-176.
- Milchev B. 1998. The birds in the bulgarian part of the Strandja mountains. I. Species list and status // *Ann. of Sofia Univ. St. Kl. Ohridski. 1 — Zoology* **88/90**: 25-43.
- Milchev B. 1991. *Ornitocenologichni prouchvania na Strandja planina v Balgaria*. Avtoref. ... knid. diss.: 1-26.
- Milchev B., Kovachev A. 1998. A contribution to the bird fauna of the Sakar mountains // *Ann. of Sofia Univ. St. Kl. Ohridski. 1 — Zoology* **88/90**: 45-53.
- Michev T., Raikov N. 1980. *Zashtiteni ptici v Balgaria*. Sofia: 1-140.
- Michev T., Profirov L., Dimitrov M., Nyagolov K. 1999. The Birds of Atanasovsko Lake. Status and Checklist // *Bourgas Wetlands Publ. Series 1*: 1-32.
- Mödlinger P. 1979. Az ugartyuk (*Burhinus oedicnemus*) előfordulása és okologiai viszonyai Magyarországon // *Aquila* **85**: 59-75.
- Müller A. 1927. Bericht über eine Sammelreise in die Dobrudscha und die Schlangeninsel // *Verhandl. Mitt. des siebenb. vereins für Naturwiss zu Hermannstadt* **77**: 11-40.
- Nankinov D. 1982. Ptice na grad Sofia // *Ornithol. Inform. Bull.* **12**: 1-386.
- Nankinov D. 1989. The status of waders in Bulgaria // *Wader Study Group Bull.* **56**: 16-25.
- Nankinov D., Cvetkova K., Bedev K., Lamburov G., Minchev N., Bozhilov V., Marin S., Seizov G., Kotsakov G. 1996. An attempt of a census of the waders in Bulgaria, March-May 1990 // *Proc. XXII Congress Int. Union of Game Biologists*. Sofia: 38-51.
- Nankinov D., Simeonov S., Michev T., Ivanov B. 1997. *Fauna na Balgaria*. Tom 26. Aves. Chast II. Sofia: 1-428.
- Nankinov D., Shurulinkov P., Nikolov I., Nikolov B., Dalakchieva S., Hristov I., Stanchev R., Rogev A., Dutsov A., Sarov M. 1998. Studies of the Waders (Charadriiformes) on the Wetlands around Sofia (Bulgaria) // *Riv. ital. ornithol.*, Milano. **68**, 1: 63-83.
- Nonev S. 1982. Ornitologicheskata sbirka pri okrajna direkcija "Kulturno-istorichesko nasledstvo" — gr. Tolbuhin // *Ornithol. Inform. Bull.* **11**: 97-106.
- Patev P. 1950. *Ptice v Balgaria*. Sofia: 1-364.
- Peshev I. 1971. Novi dannii varhu vidovia sastav i dinamikata na avifaunata po Varnenskoto kraibrejie // *Izv. na Nar. muzei Varna* **7**, 22: 234-238.
- Petrov C. 1981. Ptice na Sredna gora // *Izv. na muz. ot Iujna Balgaria* **7**: 9-49.
- Petrov C. 1985. *Burhinus oedicnemus* L. // *Chervena kniga na Balgaria*. Tom 2, Jivotni. BAN: 113-114.
- Petrov B., Zlatanov S. 1955. Materiali po faunata na ptice v Dobrudja // *Spisanie na n.-i in-t pri Min. na zemedeliето* **22**, 1: 93-113.
- Prostov A. 1964. Izuchavane na ornitofaunata v Burgasko // *Izv. na Zool. in-t s muzei pri BAN* **15**: 5-68.
- Reiser O. 1894. *Materialien zu einer Ornithologia balcanica. II. Bulgarien*. Wien: 1-204.
- Robel D. 1973. Ornithologische Beobachtungen in Bulgarien im Juli 1971 // *Larus* **25**: 103-108.
- Robel D., Königstedt D., Müller H. 1978. Zur Kenntnis der Avifauna Bulgariens // *Beitr. Vogelk.* **24**, 4: 193-225.

- Roberts J. 1980. The status of the Charadriiformes in Bulgaria // *Bonn. Zool. Beitr.* 1/2, 31: 38-57.
- Schimkat J. 1992. Vogelbeobachten in Bulgarien. Teil 2: Beitrag zur Vorkommen mediterraner Vogelarten in Bulgarien // *Falke* 39, 10: 333-337.
- Sintenis G. 1877. Zur Ornithologie der Dobrudscha // *J. Ornithol.* 25, 137: 59-69.
- Snow D., Perrins C. (eds) 1998. *The Birds of the Western Palearctic*. Concise Edition. Non-Passerines. Oxford Univ. Press: 1-1008.
- Stefanov T. 1998. Bivsheto Straldjansko blato — vse oshte dom za cenni vidove // *Ornithol. vajni mesta v Balgaria* 10: 2-3.
- Stribarni V. 1929. Plevenskie loven muzei I negovata kolekcia // *Lovets* 30, 4: 71-74.
- Uhlig R. 1991. Vogelbeobachtungen in Bulgarien 1976-1989 // *Ornithol. Mitt.* 43: 252-258.
- Uhlig R., Baumgart W. 1995. Verbreitung und Bestand des Triels *Burhinus oedicnemus* in Bulgarien // *Vogelwelt* 116: 11-17.
- Udjian E. 1985. Bibliografiska spravka za ornitologicheskite nabliudenia po Chernomorieto // *Ornithol. Inform. Bull.* 17: 72-73.
- Varbanov V. 1934. Niakoi redki vidove za nashata fauna I grija za tiahnata zakrila // *Lovets* 34, 3: 5-6.
- Yankov P. 1986. Niakoi nabliudenia na ptici ot razredite Anseriformes I Charadriiformes v Iztochnite Rodopi // *Ornithol. Inform. Bull.* 19/20: 111-121.
- Yankov P. 1991. Pticitе na Iztochnite Rodopi. I. Srokove na prebivavane I dinamika na ornitofaunata // *Ekologia, BAN* 24: 26-43.
- Yankov P., Nyagolov K. 1988. Vidov sastav na pticitе v rezervat "Valchi dol" // *Mlad. nauch. konf. "Prinosat na mladite nauchni rabotnici pri reshavane na ekolog. problemi, Vratsa, 1-2.XII.1988"*: 188-194.

Современное состояние авдотки *Burhinus oedicnemus* в Болгарии

Димитр Нанкинов, Светла Далакчиева

Представлены результаты первого детального исследования распределения, численности и экологии авдотки в Болгарии. Помимо собственных материалов авторов, в статье обобщены все сведения из литературы. К настоящему времени авдотка зарегистрирована в 139 местах в 8 районах страны. Общая численность оценивается в 200-350 пар: северо-восточная Болгария — 100-200 пар, долина реки Марица — 30-50 пар, Нижнедунайская низменность — 20-30 пар, юго-восточная Болгария — 10-20 пар, долина реки Тунджа — 10-20 пар. Более 10 пар гнездится в Софийской котловине, по реке Арда и в долинах рек Струма и Места. За последние 30 лет авдотка расширила своё распространение в Болгарии, заселила новые места и увеличила свою численность. Гнездиться авдотки предпочитают в местах с каменистой почвой, поросшей травой и редким кустарником. Населяют берега водохранилищ. Места гнездования приурочены в основном к карстовым районам в предгорьях и в северо-восточной части страны. Более 90% авдоток гнездится на высотах до 500 м н.у.м. и лишь около 3% — на высотах до 700 м н.у.м. Весенняя миграция происходит в конце марта-апреле. Гнездовой период занимает апрель, май и июнь. Послегнездовые перемещения и осенняя миграция растянуты с середины июля до середины ноября. Вдоль берега Чёрного моря осенью наблюдается концентрация мигрантов. Группировки пролётных авдоток насчитывают до 20 птиц.

Орнитологические наблюдения в долине нижнего течения реки Китой

В.В.Попов, В.В.Хидекель

Иркутский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2001

В данном сообщении приведены результаты наблюдений в нижнем течении р. Китой (левый приток Ангары) на территории Ангарского административного района Иркутской области. Основная часть работы выполнена с 9 ноября 1997 по 22 октября 2000 на участке длиной около 50 км (от устья реки до правого притока Тойсук). Использованы также материалы за прежние годы начиная с 1983. За этот период на рассматриваемом участке отмечено 144 вида птиц. Особого интереса заслуживают встречи 26 видов, как редких или ранее не отмечавшихся в районе. По ряду видов приведены сведения из сопредельных территорий.

Podiceps cristatus. Одна чомга отмечена 8 мая 1999 на протоке по левобережью Китоя около о-ва Ясачный. Редкий гнездящийся вид в заказнике “Сушинский Калтус”, где в 1984-1985 на золоотвале гнездились 30-40 пар. Однако после затопления зарослей рогоза численность чомги здесь резко сократилась. Отдельные пары гнездились до конца 1980-х. В настоящее время 4-5 пар ежегодно гнездятся на двух озёрах к северу и востоку от золоотвала на территории заказника.

Botaurus stellaris. 29 апреля 1999 два раза слышали голос выпя на пойменном озере р. Китой в пригороде Ангарска (Цемпосёлок). В заказнике “Сушинский Калтус” в мае 1998 встретили пару. По опросным данным, выпя наблюдалась в урочище Большой Калтус в верховьях р. Еловка.

Ardea cinerea. 10 сентября 2000 следы пребывания серой цапли отмечены на правом берегу Китоя между с. Якимовка и Чебогоры. 15 сентября 2000 трёх цапель видели в стае сизых чаек *Larus canus* на галечниковых островах предустьевой части Китоя и в самом устье. В 1995 отмечены следы цапли на островах в районе пригородного пос. Северный. В заказнике “Сушинский Калтус” на золоотвале и в его окрестностях одиночных птиц наблюдали 8 августа и 15 сентября 1992, а 27 июля 1993 видели группу из 4 цапель. Здесь же в 1995 с 7 по 13 августа держались от 3 до 5 птиц; 2 сентября 1995 встречена пара, 15 и 21 сентября 1995 — стаи из 13 и 15 птиц, соответственно. Кроме того, в июле 1995 три цапли встречены на берегу Ангары в районе золоотвала в окрестностях пос. Зверев. 25 августа 1995 одна серая цапля наблюдалась на золоотвале в районе ст. Карьер.

Ciconia nigra. Три птицы встречены 19 июля 1999 около пос. Якимовка близ границы заказника “Широкая падь”. В гнездовое время чёрный аист наблюдался в долине р. Ода: 13 июля 1995 в 3 км ниже бывшего пос. Ягаты и 9 августа 1995 в 5 км от пос. Савватеевка. По опросным данным, в окрест-

ностях пос. Ягаты аисты появились с 1993, а несколько лет назад — в устье Тойсука на Китое. Можно предположить, что в районе гнездится 3-5 пар. На осеннем пролёте чёрный аист встречен 28 августа 1993 на тракте Ангарск—Тальяны в окрестностях Якимовки и 21 сентября 1995 на золоотвале в заказнике “Сушинский Калтус”.

Phoenicopterus roseus. В середине июля 1998 к югу от Ангарска на тёплом канале в окрестностях заказника “Сушинский Калтус” фламинго наблюдал сотрудник комитета экологии г. Ангарска С.А.Уватов.

Anser fabalis. Редкий пролётный вид. Один гуменник встречен 8 мая 1999: он летел через Китой по направлению к Ангарску. По опросным сведениям, эти гуси встречаются на весеннем пролёте на островах Ангары напротив станций Суховская и Совхозная.

Pernis ptilorhynchus. Редкий гнездящийся вид. В гнездовой период в Ангарском р-не хохлатый осоед встречен в 1995: 14 июня на окраине пос. Новоодинск и в урочище Калтус, 18 июня в долине р. Ода в 5 км к северу от Савватеевки, 13 июля в долине Оды в окрестностях бывшего пос. Ягаты и 30 июля в долине Еловки к югу от полигона. В 1996 хохлатого осоеда наблюдали 8 августа в долине р. Тойсук и 10 июня в заказнике “Широкая падь”. 16 июня 1997 он встречен в этом заказнике в долине р. Тойсук. 18 августа 1999 несколько раз слышали крик осоеда на вершине сопки в сосняке в 3 км ниже устья Тойсука в заказнике “Широкая падь”. Можно предполагать, что в районе гнездится около 10 пар.

Buteo hemilasius. Мохноногого курганника встретили 16 июня 2000 в устье р. Тойсук в заказнике “Широкая падь”.

Aquila chrysaetus. В январе 1987 беркута наблюдали в г. Ангарске во дворе многоэтажного дома. В устье р. Тойсук три особи встречены 28 и 29 июля 2000. Одного орла видели на острове в устье Тойсука 28 июня 2000. 10 сентября 2000 беркут взлетел из кустов тальника на правом берегу Китоя около с. Якимовка. Позднее, 14 октября 2000, в этом месте найдены остатки тетерева *Lyrurus tetrix* (крылья с плечевым поясом и килем, перья).

Falco columbarius. Редкий пролётный и зимующий вид. На весеннем пролёте встречен в заказнике “Сушинский Калтус” 20 апреля 1991, 3 и 21 мая 1995. В июне и октябре 1998 одиночных птиц, сидящих на вершине отдельно растущей сосны, видели на левом берегу Китоя. 11 июня 1999 дербник отмечен в районе старого Китойского моста. 11 октября 1999 одна летящая особь отмечена здесь же. 23 января 2000 дербник летел с добычей в когтях из частного сектора в Ангарске в районе 93-го квартала. 16 и 17 мая 2000 одиночных птиц видели в старой части города в районе 94-го и 73-го кварталов.

Falco peregrinus. Сапсана встречали в заказнике “Широкая падь” в устье р. Тойсук в окрестностях скальной гряды по правому берегу 8 июня 1995, 18, 28 и 30 июня, 5 июля и 15 августа 2000. Не исключена возможность гнездования. В октябре 1996 сапсана, охотившегося на голубей, несколько дней наблюдали на комбинате “Нефтеоргсинтез”.

Perdix dauuricae. В Ангарском р-не бородатая куропатка редка, однако в последние годы её численность увеличивается. В заказнике “Сушинский Калтус” стайку из 5 птиц отметили в апреле 1986, одну птицу — 11 июня

1992, пару — 18 июня 1992. После этого бородатую куропатку здесь не встречали. Однако, по опросным данным, её видели в декабре 1994 на дороге по границе заказника. При обследовании района в 1995 году бородатых куропаток удалось наблюдать всего один раз — стайку из 6 особей видели 28 августа в урочище “Широкая падь” вблизи бывшей дер. Юрта. 23 января 1997 шесть куропаток кормились на объездной дороге в 3 км от р. Китой. По опросным данным, бородатые куропатки живут в окрестностях Новоодинска, где они появились после выпуска в 1980-х. В 1998 остаток крыла куропатки найден в ЦПКиО Ангарска на правом берегу Китоя, в кочкарнике пойменного озера. 24 сентября 1998 на картофельных полях у пос. Старый Китой встречена стая из 10 особей. 11 октября 1998 стаю из 25 птиц подняли с дороги вдоль поля в окрестностях о-ва Большой. 24 октября 1998 стая из 10 куропаток встречена на левом берегу Китоя у Одинска. 21 ноября 1998 стая из 15 птиц взлетела из-под снега у кустов черёмухи на о-ве Большой. 2 апреля 2000 три куропатки встречены на поле у окраины с. Архиреевка по левому берегу Китоя. 2 октября 2000 стаю из 9 птиц отметили у пос. Старый Китой на пашне на левом берегу Китоя.

Coturnix coturnix. В Ангарском районе перепел — редкий гнездящийся вид. Отмечен только на двух участках. На лугу в месте впадения р. Тойсук в Китой в течение июня 1995 неоднократно слышали “бой” нескольких самцов. 28 июня 2000 слышали крик двух перепелов на высокотравном кочкарном лугу в 1.5 км выше устья Тойсука, у границы заказника “Широкая падь”. В июле 1997 по 2-3 перепела зарегистрированы на влажном лугу и на пшеничном поле в долине р. Ода. На других участках перепел не обнаружен. Однако возможность его обитания не исключена, поскольку для него характерна сумеречная активность, а обследования мы проводили в основном в дневное время.

Grus grus. Серый журавль в Ангарском р-не — редкий гнездящийся вид. Пару птиц с гнездовым поведением наблюдали 14 июня 1995 в урочище Калтус восточнее Новоодинска. В 1997 году на четырёх заболоченных участках (Большой Калтус, Сибирский Калтус, Калтус и безымянный) гнездилось в общей сложности 10-15 пар. Гнездование ещё одной пары установлено на р. Ода в 5 км от пос. Савватеевка. В течение июня 1995 встречали пару журавлей и слышали их голоса. По сведениям пастухов, журавли в том году вывели 2 птенцов. Не исключено гнездование журавлей на болотах на левом берегу Оды ниже по течению, где в 1995 наблюдали группу из 5 птиц. По опросным данным, до 1990 пара гнездилась по левому берегу Тойсука в месте впадения его в Китой, но после распашки журавли перестали здесь размножаться. Не подтвердились сведения о гнездовании журавлей на левобережье Тойсука в долине ручья Чёрный в окрестностях с. Ивановка: в 1996 птиц обнаружить здесь не удалось. В заказнике “Широкая падь” в настоящее время, по опросным данным, журавли встречаются только во время пролёта. По опросным данным, журавли гнездятся и в верховьях Еловки, не исключена возможность гнездования в долине Оды севернее бывшей дер. Ягата. Численность гнездящихся птиц зависит от гидрологического режима болот. Можно предполагать гнездование в Ангарском р-не 15-20 пар. Отношение местных жителей к журавлям благоже-

лательное. По опросным данным, журавли регулярно летят осенью над пос. Якимовка стаями до 15 птиц. 10 сентября 2000 над садоводством “Ясная поляна” 75 журавлей летели клином по направлению к устью Оды. 17 сентября 2000 стая из 15 журавлей отмечена над садоводством “Время” по р. Ода, около Подсочки. 24 сентября 2000 над устьем Оды кружили 6 журавлей, улетевших вверх по Китою.

Crex crex. Редкий гнездящийся вид. В 1995 году коростель обнаружен на двух участках: на пойменном лугу правого берега Тойсука неподалёку от его впадения в Китою (заказник “Широкая падь”) — 7-10 токующих самцов; в пойменных лугах Оды в 5 км к северо-востоку от Савватеевки — 10-15 токующих самцов. Возможно обитание коростеля по левому берегу Тойсука в окрестностях дер. Ивановка и в верховьях Еловки. В 1995 году общая численность коростеля в районе оценивалась более чем в 50 пар. Однако в последующие годы из-за чрезмерного выпаса скота на территории заказника численность коростеля сократилась. 29 июня 2000 слышали 3 самцов на лугу ближе к правому борту Широкой пади в 3 км от устья Тойсука. 5 июля 2000 одного коростеля слышали в 5 км от устья.

Columba oenas. Клинтух в Ангарском р-не редок. Возможно, гнездится. В гнездовое время отмечен в долине Китою в окрестностях пос. Чебогоры 17 июля 1995, 21 июля 1995 — в долине Оды в 5 км к северо-востоку от Савватеевки. Здесь же стайку этих голубей наблюдали в середине августа 1996. В гнездовой период клинтух отмечен также в Широкой пади и на участке правобережья Китою между пос. Якимовка и Чебогоры по старым грунтовым дорогам и у пашни. 18 июня 2000 двух клинтухов видели на левобережье между с. Архиереевка и о-вом Морохтаевский. 5 июля 2000 пять голубей перелетали вдоль опушки леса на правом борту Широкой пади в 5 км от устья Тойсука.

Bubo bubo. До 1995 года филин гнезился в нише скальника в устье Тойсука. В полевой сезон 2000 года при пятикратном обследовании ни гнезда, ни самих птиц не обнаружили. По сообщению учащегося Ф.М.Лебеда, филина видели в привокзальном сосновом лесу Ангарска 2 октября 2000, где его обнаружили и атаквали вороны. 14 ноября 2000 в сумерках два филина были встречены в г. Ангарске, в сосновом лесу профилактория “Родник”. Они подавали голос и перелетали в верхних частях крон сосен, видимо, охотясь на ворон, которые ранее в количестве около 400 особей собирались здесь на ночёвке.

Troglodytes troglodytes. Крапивника встретили осенью 1998 в зарослях тальника на правом берегу Китою в районе нового Китоюского моста.

Luscinia (Pseudaedon) sibilans. Соловей-свистун встречен 5 июня 1984 в пригородной зоне Ангарска в сосновом лесу.

Turdus iliacus. Дрозда-белобровика встретили 6 июня 1996 в смешанном лесу на берегу Тойсука в заказнике “Широкая падь” и 28 июня 2000 в стае рябинников *Turdus pilaris* в березняке с подлеском из черёмухи на правом берегу Китою в ЦПКиО Ангарска.

Regulus regulus. 29 июля 1998 одного желтоголового королька наблюдали в смешанной стае птиц по правобережью Китою в 500 м ниже устья Оды.

12 сентября 1999 двух корольков видели в лесополосе по левобережью в 300 м ниже северной оконечности о-ва Большой.

Parus cyanus. Редкий гнездящийся вид. Выводок из 3 хорошо летающих слётков встречен И.В.Фефеловым 13 августа 1995 в зарослях кустарника в заказнике “Сушинский Калтус”. 17 октября 1999 стайка из 4 князьков встречена в долине Оды. 15 апреля 2000 голос белой лазоревки слышали на границе заказника “Широкая падь” в районе пос. Якимовка. 28 июня 2000 князька слышали в зарослях тальника на острове в устье Тойсука. 30 апреля 2000 четырёх князьков видели в районе старого Китойского моста в лесополосе на окраине садоводств по левобережью Китоя. 21 мая 2000 голоса 3 птиц слышали за садоводствами по пути к устью р. Китой на левом берегу. 15 сентября 2000 два раза слышали князьков и видели двух в устье Китоя в зарослях тальника. 14 октября 2000 одну особь встретили на правом берегу Китоя между садоводством “Ясная поляна” и пионерским лагерем “Космос”. 22 октября 2000 одна особь отмечена в районе железнодорожного моста и ещё одна — за садоводствами на левом берегу р. Китой.

Certhia familiaris. 12 сентября 1999 одну пищуху видели на стволе сосны в смешанной стае синиц и дятлов на левом берегу Китоя в лесополосе напротив пос. им. Кирова в пригороде Ангарска. 6 ноября 1999 одна особь отмечена в сосняке на окраине города у пос. Старица на правом берегу Китоя. 7 ноября 1999 пищуху видели в смешанном лесу с преобладанием сосны в заказнике “Широкая падь”. 13 ноября 1999 голос пищухи слышали в ЦПКиО Ангарска.

Emberiza schoeniclus. Редкий гнездящийся вид. На гнездовье камышовая овсянка отмечена в двух местах — в заказнике “Сушинский Калтус”, где ежегодно гнездится 3-5 пар, и в урочище Калтус в окрестностях пос. Новоодинск, где в 1995 установлено обитание 2-3 пар. В 1997 из-за неблагоприятного гидрологического режима в окрестностях Новоодинска на гнездовье не отмечена. Встречена на осеннем пролёте 10 октября 1998 в тростнике у заросшего пойменного озера по левобережью Китоя в пригородной зоне Ангарска. 8 мая 1999 три овсянки наблюдались на отрезке Китоя от Новоясачной до Архиереевки, а две особи — за Архиереевкой вверх по Китую на левом берегу по протокам с тростником. На следующий день, 9 мая 1999, встречена стайка из 6 камышовых овсянок в тростнике на протоке Китоя. 5 июня 1999 за 4 ч маршрутного учёта за с. Архиереевка вверх по Китую по левому берегу встречено 9 особей.

Oriolus oriolus. Ранее иволга в Ангарском р-не не отмечалась. 3 июня 1999 мы слышали 3 птиц на о-ве Большой в пригороде Ангарска против пос. Старица. В эти же дни учащиеся И.И.Ворошилов и А.Байгулов видели иволгу в этом районе. 4 июня мы слышали здесь двух птиц.

Cyanopica cyanus. Голубая сорока круглый год встречается на окраинах садоводств, реже в самих садоводствах. Зимой отмечается также в старой части города Ангарска и в парках. Малочисленна на участке между Одиномском и Якимовским, а в заказнике не встречена ни разу. 24 октября 1998 стая из 13 птиц отмечена в окрестностях Одиновска. 4 и 26 февраля, 7 марта, 18 апреля и 30 июня 1999 отдельные особи и пары голубых сорок встречены в пригороде Ангарска. 14 и 20 сентября и 4 декабря 1999 стаи в 5-20

птиц встречены за железнодорожным мостом и в предустевой части Китоа. В 2000 году 17 и 24 января одиночных особей видели в селитебной части Ангарска и его пригороде (о-в Большой); на кормушке в 73-м квартале видели стаю из 7 сорок. 4 и 18 марта в северной и южной частях о-ва Большой отмечены стаи из 4-6 птиц. 20 и 25 мая, 11 и 28 июня, 10 и 15 сентября, 14, 15 и 28 октября одиночные голубые сороки и стаи из 3-12 птиц наблюдались в пригородной зоне и по реке до пос. Якимовка.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2001, Экспресс-выпуск 152: 619-621

Гнездование серебристых чаек *Larus argentatus* на крышах зданий в Санкт-Петербурге

С.Г.Лобанов

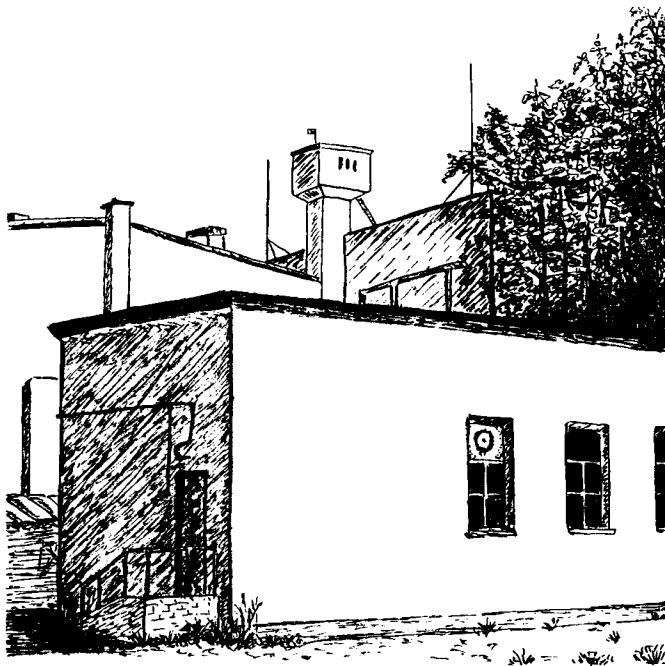
Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 25 июля 2001

Гнездование серебристой чайки *Larus argentatus* в городах на крышах зданий стали регистрировать с конца XIX в., а со второй половины XX в. оно становится всё более обычным явлением в Северной Америке, Фенно-скандии, в западной, центральной и восточной Европе (см.: Юдин, Фирсова 1988, с. 136). В пределах бывшего СССР гнездование серебристых чаек на крышах было известно лишь для Риги, где его отмечали с конца 1970-х (Strazdinš et al. 1987). В 1991 там гнездились около 80 пар (Денисов 1992). В Московской области гнездование серебристых чаек на зданиях первый раз зарегистрировано в 1998 в Ногинске (Зубакин 1998). Четыре пары гнездились на залитой гудроном плоской крыше прядильной фабрики в колонии сизых чаек *Larus canus* из 150-170 пар. Примечательно, что в этой колонии гнездились также 3 пары черноголовых чаек *L. melanocephalus*, известных на гнездовании в Московской обл. лишь с 1993 года. В 1999 на крыше фабрики в Ногинске гнездились уже 15-20 (Калякин 2000, с. 32), в 2000 — 30-35 (возможно, до 40) пар серебристых чаек (Зубакин 2000).

Для Санкт-Петербурга гнездование серебристых чаек на крышах установлено нами впервые.

В середине июня 2000 выводок серебристой чайки из 3 нелетающих птенцов величиной с галку обнаружили на крыше небольшой башни, прилегающей к производственному зданию НИИ Постоянного Тока (ул. Курчатова, д. 12). Плоская крыша площадью в 18 м² недоступна для людей, собак и кошек, поскольку на неё нет хода. Её поверхность с трёх сторон ограничена бетонно-деревянным поребриком, а с южной стороны вдоль

Вид на башню, где гнездились серебристые чайки.

крыши посажен ряд молодых берёз, создающих благоприятную тень в жаркую солнечную погоду (см. рисунок).

Взрослые чайки совершенно не обращали внимания на людей, идущих по улице. Однако они вели себя очень агрессивно, когда мы наблюдали за ними с крыш соседних зданий. Родители немедленно подлетали к нам и с криками пикировали, привлекая и других чаек, державшихся поблизости.

Пока птенцы росли, они всё время находились на крыше башни. К 8 июля подросшие птенцы спрыгнули на обширную крышу основного корпуса здания, где оставались до подъёма на крыло. Летать молодые начали 12 июля. Во

время первых непродолжительных полётов их сопровождали не родители, которые оставались у гнезда, а другие серебристые чайки, не участвовавшие в размножении, но постоянно находившиеся рядом с гнездящейся парой. В разное время мы насчитывали до 6 таких “помощников”. По нашим наблюдениям, они выполняли функции по защите гнезда.

К 17 июля молодые чайки летали уже самостоятельно. С помощью зрительной трубы в разное время суток мы наблюдали за их перемещениями. Взрослые птицы продолжали держаться у гнезда до конца августа.

На следующий, 2001 год пара серебристых чаек вновь загнездилась на крыше башни и успешно вывела 3 птенцов. Птицы появились на башне в конце первой декады марта. 10 марта мы наблюдали элементы токового поведения. Одна из птиц приносила пучки травы и демонстративно предлагала их партнёру. До конца марта обе птицы вечером покидали башню, ночуя, по-видимому, вместе с другими серебристыми чайками на льду Невы. Самое большое скопление ночующих на Неве чаек (более 600) отмечено нами в это время на участке реки между мостами Александра Невского и Финляндским.

К насиживанию наши чайки приступили ориентировочно 21 апреля. Именно с этого времени мы постоянно наблюдали одиночных взрослых птиц, отыскивающих корм на помойках в соседних дворах. 31 мая на боковом поребрике башни мы обнаружили трёх птенцов величиной со скворца.

Необходимо отметить, что с 29 мая на территории института проводились работы по демонтажу высокой металлической конструкции, находившейся во дворе. Первые дни работы птицы сильно беспокоились и постоянно летали с криками вокруг башни. Однако к 9 июня чайки окончательно привыкли к рабочим и спокойно сидели на башне во время проведения

работ. Позже сильный ветер опрокинул две вертикальные опоры конструкции, но и это не помешало чайкам успешно завершить гнездование.

Птенцы поднялись на крыло к 4-5 июля. С этого времени мы постоянно наблюдали молодых птиц отдыхающими на крышах соседних зданий, купающимися по утрам у северного берега пруда и летающими в районе гнездовой башни. Беспокойное поведение родителей было особенно характерно для первых дней после слёта молодых.

В 2001 году мы нашли в Санкт-Петербурге ещё четыре башни, на которых гнездились серебристые чайки. Две из них располагаются на Октябрьской набережной и по одной — на Свердловской и Выборгской набережных. Все эти башни являются частью производственных корпусов на территориях промышленных предприятий. Первое появление чаек на башнях Октябрьской набережной отмечено нами 26 февраля. На Выборгской набережной 12 июля два подросших птенца находились на плоской крыше основного здания под башней, а третий птенец сидел со взрослой птицей на крыше соседнего здания. К 16 июля летали уже все три птенца.

Кроме того, характерное для размножения поведение серебристых чаек наблюдалось нами в 2000 и 2001 годах в центре города (ст. метро “Технологический институт”, “Электросила”, “Петроградская”), что указывает на возможность их гнездования и в этих районах Санкт-Петербурга.

Таким образом, результаты наших наблюдений свидетельствуют об успешном гнездовании серебристых чаек на башнях производственных зданий города. Можно предполагать, что число чаек, гнездящихся на крышах зданий в Санкт-Петербурге, в дальнейшем будет увеличиваться.

Автор выражает свою благодарность А.К.Шкоде (НПО “Позитрон”) и И.В.Кочерга (НИИПТ) за помощь в организации наблюдений, а также М.Лобановой и Н.Орлову за помощь в проведении наблюдений и фотографировании птиц.

Литература

- Денисов И.А. 1992. Гнездование серебристой чайки на зданиях в Риге // *Серебристая чайка: Распространение, систематика, экология*. Ставрополь: 112-113.
- Зубакин В.А. 1998. Гнездование черноголовых чаек на крыше // *Мир птиц: Информ. бюл. Союза охраны птиц России* 2(11): 7.
- Зубакин В.А. 2000. Орнитологические новости из Московской области // *Новости в мире птиц* 1.
- Калякин М.В. (сост.) 2000. *Птицы Москвы и Подмосковья — 1999*. М.: 1-94.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Серебристая чайка — *Larus argentatus* Pontoppidan, 1763 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 126-146.
- Strazdiņš G., Strazds A., Strazds M. 1987. Par kaojveidīgo ligdošanu uz eku jumtiem un citiem augsti urbanizētas vides elementiem Rīgā // *Putnu novērojumi — 1987*. Rīga: 20-24.

Изменения в составе флоры и фауны Новгорода за время Отечественной войны

Б.К.Мантейфель

*Второе издание. Первая публикация в 1948**

Новгород, на территории которого и его ближайших окрестностей я в течение почти тридцати лет производил свои орнитологические и фенологические наблюдения, мне пришлось покинуть перед самым его занятием немецкими войсками. Только через два с половиной года, когда победоносная Красная Армия освободила Новгород от фашистских захватчиков, мне удалось вернуться в него. Вместо цветущего города передо мной открылась панорама страшных руин: деревянные постройки были полностью сожжены, от каменных жилых и общественных зданий только кое-где торчали коробки, уникальные новгородские памятники древнего русского зодчества были варварски искалечены или совершенно уничтожены. Площадь всего города, и особенно его левобережной софийской стороны, представляла собой громадный сплошной пустырь, буйно заросший сорной растительностью.

Взор натуралиста прежде всего поразили те изменения в составе флоры и фауны, которые произошли за короткий промежуток оккупации немцами города, когда из него были изгнаны остатки не успевшего эвакуироваться населения и в нём находился лишь относительно небольшой немецкий гарнизон.

Растительность в разрушенном городе стала совершенно иной, а это, в свою очередь, изменило и состав орнитофауны. Для последней не только увеличился количественно ряд и ранее живших здесь птиц, но в городе стали обитать и те виды, которых прежде здесь было нельзя найти вследствие специфичности их стаций; разрушения дали эти чуждые городу стации, и обычные их обитатели не заставили себя долго ждать. Наоборот, те птицы, которые раньше в условиях Новгорода находили себе здесь нужные места для гнездования, теперь почти вовсе исчезли из города. Столь обширных в довоенном Новгороде плодовых садов, парков, рощ, аллей и бульваров, засаженных деревьями и кустарниками, теперь не осталось. Часть растительности погибла от непрерывных бомбардировок с воздуха и артиллерийского обстрела, от вызванных ими пожаров, остальные древесные насаждения были вырублены оккупантами за время их владения городом. Сейчас древесная растительность сохранилась лишь в немногих точках города, в городском парке, в Кремле, в ближайших к Новгороду рощах и в заказнике "Синичья гора". Печальными скелетами стоят высохшие и

* Мантейфель Б.К. 1948. Изменения в составе флоры и фауны Новгорода за время Отечественной войны // *Охрана природы* 3: 67-78.

Статья написана в январе 1945.

поломанные деревья на многих местах пожарищ. Вся площадь города, т.е. места бывших застроек, его улицы и широкие площади, покрыты теперь непроходимой, в буквальном смысле слова, чащей высокой, скрывающей собою не только пешехода, но и всадника или автомашину, сорной растительности. В последней преобладание получил буйно разросшийся необычайно высокий иван-чай, находившийся в момент моего приезда в Новгород в периоде полного цветения, от чего окружающая картина была особенно своеобразной — сотни тысяч колыхавшихся на ветру цветов давали впечатление волнующегося лиловато-розового моря.

Вместе с иван-чаем бурно разрослись такие сорняки, как чернобыльник, полынь, пустырник, лебеда, лопух. Последний в пределах городского парка занял всю свободную от деревьев и пней площадь, оставив лишь открытой узенькую дорожку на месте бывшей главной аллеи. Через эти заросли во многих местах города совершенно невозможно пройти, настолько они густы.

В первых числах августа, когда я, вернувшись в родной город, начал его обследование, нижний ярус растительности пестрел всеми цветами спектра от множества цветущих васильков (посевного и лугового), поповника, льнянки, тысячелистника, кульбабы, осота и многих других луговых и лесных трав. Многочисленные воронки от крупных бомб и снарядов сейчас представляли собой водоёмы, покрытые сплошь ряской и густо заросшие тростником, частухой, зонтичным сусаком и некоторыми другими прибрежными растениями.

Не только травы, но и древесные породы поразили меня быстрым своим ростом: высокие и густые кусты бузины, малины, ивняка, поросли липы, тополя видны были на тех местах, где ещё три года тому назад стояли жилые дома или были тротуары улиц. Отовсюду несло стрекотание кузнечиков, перед глазами мелькало множество летающих насекомых, среди которых с изумлением пришлось отмечать чисто лесные виды бабочек и жуков.

Но более всего я был поражён изменившейся в опустошённом городе фауной птиц. В нём появились виды, ранее или совсем не обитавшие, или не встречающиеся в летний период. В совершенно исключительном количестве появились в городе белые и жёлтые трясогузки, чеканы-каменки, серые мухоловки, сорокопуты-жуланы и другие. Повсюду, буквально на каждом шагу, замечались щеглы, зеленушки, коноплянки, дрозды, а по набережным Волхова, также густо заросшими разнообразной травянистой растительностью, несло неумолчное пение камышевок. Над рекой, в пределах города, летало множество чаек, которые, присаживаясь на отдых, сплошь покрывали собою те места, где ещё недавно стоял лесопильный завод, находились причалы для пароходов и т.п.

Последующие экскурсии по разорённому городу ещё более подтвердили эту картину необычайного обилия пернатого населения: идёшь по бывшим центральным улицам и площадям, и повсюду, кроме упомянутых выше птиц, видишь горихвосток, пеночек, сотенные стаи слётков скворцов. Различные виды куликов, от маленького перевозчика *Tringa hypoleucos* до крупных — веретенника *Limosa limosa* или улита *Tringa nebularia*, встретить которых можно было раньше только далеко за пределами города или в

пригородном заказнике “Синичья гора”, теперь очень часто попадались на глаза наблюдателю по берегам Волхова на обеих сторонах Новгорода. Даже в центральных районах города часто приходилось спугивать с наполненных водою воронок от бомб кряковых уток и чирков.

В один из вечеров начала осени кем-то была зажжена на лугах, примыкавших к городу с восточной стороны, трава, совершенно высохшая из-за продолжительной засухи. Эти луга не были разминированы. Море огня и довольно частые взрывы мин подняли с этих мест громадные стаи уток, которые в смятении долго летали над чертой города.

Таким образом, почти полное разрушение зданий, с одной стороны, и исключительное увеличение сорных трав в виде больших по площади и густых зарослей и появление множества мелких заросших водоёмов — с другой, совершенно изменили пернатое население Новгорода, что я отмечаю сейчас в кратком перечне.

Исчезновение дуплистых плодовых и других деревьев и отсутствие искусственных гнездилищ резко повлияло на наличие таких дуплогнезdnиков, как воробьи — полевой *Passer montanus* и домовый *P. domesticus* и мухоловка-пеструшка *Muscicapa hypoleuca*. Последних, ранее обычных для Новгорода птиц, мне пришлось заметить всего один-два раза. На воробьях в отношении их уменьшения отразилось не только отсутствие удобных мест для гнездования (скворешен, дупел), но и безлюдье в городе. Эти птицы являются первыми спутниками человека.

За время войны мне самому пришлось не раз наблюдать в далёком Заполярье (Карельский фронт): лишь стоило только среди сопok развернуться стационарному госпиталю, как скоро уже здесь появлялось довольно много воробьёв.

В руинах каменных построек я нашёл очень много покинутых уже птенцами гнёзд чеканов-каменок *Oenanthe oenanthe* и серых мухоловок *Muscicapa striata*. Взрослые и молодые особи этих видов поражали своей многочисленностью. Особенно много их было на бывших центральных улицах, застроенных большими каменными зданиями, от которых и сейчас осталось довольно много коробок. В них указанные виды весной нашли себе много удобных мест для постройки гнёзд. Удивило меня и гнездование в городе (и в значительном количестве) двух видов пеночек — теньковки *Phylloscopus collybitus* и трещотки *Ph. sibilatrix*. Как взрослых птиц, так и нынешних слётков можно было наблюдать в значительном числе. Они гнездились в текущем году в пределах города, чего раньше за всё время своих орнитологических наблюдений мне отмечать не приходилось. Наоборот, прежде в густых садах и городском парке не редкостью были гнездящиеся пары пеночек-пересмешек *Hippolais icterina*. Теперь же эти очень характерно поющие птицы стали в городе большой редкостью, и я зарегистрировал при своих ежедневных обходах пересмешек всего 2-3 раза.

В довоенные годы для производства наблюдений над камышевками приходилось экскурсировать далеко за пределы городской черты, теперь же видеть их и слушать их пение стало возможным не только на заросших жёсткой береговой растительностью набережных Волхова, но и почти во всех

пунктах города. В большом количестве встречалась камышевка-барсучок *Acrocephalus schoenobaenus*, в меньшем — речная *Locustella fluviatilis*.

Скажу несколько слов о скворцах *Sturnus vulgaris*. Эта птица всегда была многочисленна в Новгороде. Но теперь как бы изменился сезонный порядок в их жизни. Обычно, скоро же после весеннего прилёта, скворцы занимали многочисленные, повсюду выставленные для них скворешни и дупла старых деревьев садов и парка. Происходило гнездование, откладка яиц, вывод птенцов. Когда птенцы вылетали из гнёзд, они вместе со взрослыми птицами покидали город, и наблюдать их большие стаи можно было только за его пределами. Лишь когда наступал апогей осени, птицы возвращались в город, к местам гнездований (уже в меньшем числе) и в течение продолжительного периода времени можно было вновь слушать их бодрые песни. Незадолго до отлёта скворцы вновь замечались, главным образом, на полях, огородах, откуда исчезали уже до будущей весны.

Теперь картина была совсем иная. Приехав в Новгород уже летом, я не могу сказать, в каком количестве поселились скворцы в разрушенном городе; по-видимому, в меньшем, потому что условия для гнездования изменились для них к худшему: дуплистых деревьев почти не стало, а на всей территории города я нашёл только две скворешни. Но со дня приезда пришлось отмечать большие стаи птиц и слушать пение старых самцов. Чем дальше шло время, тем скворцов в городе становилось больше, а стаи их многочисленней. Отдыхая на больших, засохших от пожаров деревьях, скворцы так облепляли собой их сучья и ветви, что издали эти деревья не казались безжизненными, а как бы имели густую чёрную крону листвы. Отовсюду несло громкое тысячеголосое пение старых птиц и молодёжи, пробующей свои голоса. Во второй половине августа тысячные стаи скворцов в течение всего дня беспрестанно летали по всему городу и только к вечеру, перед заходом солнца, как выяснили систематические ежедневные наблюдения, громадные стаи этих птиц одна за другой покидали город и летели на ночёвку в ЮЮЗ направлении. Осенью, в сентябре и в начале октября, очень редко можно было видеть небольшую стайку скворцов; почти всегда подсчёт численности стаи давал цифру от 500 до 1000 птиц.

Выше я уже упомянул, что трясогузок я встретил в разрушенном городе в исключительно большом количестве. На первых порах эти наблюдения относились, главным образом, к белым трясогузкам *Motacilla alba*, которые, можно сказать без всякого преувеличения, попадались на каждом шагу, в любой точке города, среди развалин домов, на площадях, улицах и тропинках, выющихся среди густых зарослей репейника, черныбыльника и иванчая. На Волхове, на плотях и деревянных дамбах, на полузатонувших фермах взорванного немцами красивого моста мне впервые за всю жизнь пришлось увидеть такое обилие птиц; подсчёт каждый раз давал не десятки, а сотни этих птиц. Сюда их привлекало множество насекомых (подёнок и др.). Узкие плоты были усеяны бегающими по брёвнам птицами; десятки их одновременно взлетали в воздух, чтобы схватить пролетающих насекомых, и снова опускались на брёвна. Много лет я веду орнитологические наблюдения, но в таком масштабе подобного зрелища я ещё не видел. В

последних числах августа и в первой декаде сентября, во время прогулок по берегам Волхова (опять-таки в пределах города) удалось отмечать аналогичное явление и в отношении жёлтых трясогузок *Motacilla flava*. Здесь стайки этих птиц, державшихся очень кучно в поисках корма, много раз достигали численности в 50–70 особей — явление также очень редкое.

Весь август, до первых чисел сентября, в городе в очень большом числе наблюдались (в зарослях) сорокопуты-жуланы *Lanius collurio*, сначала выводками, затем маленькими стайками. До войны жуланы редкими парами поселялись лишь в заказнике “Синичья гора”, в городе никогда не встречаясь.

Овсянки *Emberiza citrinella* не бывали и раньше редкостью на глухих окраинных улочках Новгорода, попадаясь здесь на глаза наблюдателю с поздней осени до ранней весны. Теперь же мало того, что этих птиц можно было видеть во всех точках города, включая его центральные части, но они наблюдались повсюду в громадном количестве.

Аномально возросла численность обитающих в городе птиц из семейства вьюрков, причём в отношении некоторых наблюдались изменения в календарном ритме их жизни. Возьмём для примера зяблика *Fringilla coelebs*. Эта птица и до войны в черте города находила себе достаточно гнездовых участков в садах Новгорода. Зяблики всегда были обычной птицей здесь, но часто видеть их можно было только в гнездовой период. После массового вылета птенцов из гнёзд выводки, а затем и соединившиеся в стайки птицы откочёвывали за пределы города, в рощи, на пригородные огороды и т.д., где главным образом и замечались до своего отлёта.

В изменившихся условиях мы видим теперь иное: для массового гнездования в городе зябликам теперь не стало места, т.к. древесные насаждения уничтожены на 90%. Гнездовая пора для них протекла, по-видимому, за пределами города. Но после слёта птенцов зяблики теперь, наоборот, двинулись на кормёжки в город, который своими непроходимыми зарослями сорняков дал птицам прекрасные места и в отношении обилия корма, и в отношении надёжного укрытия от всяких врагов.

Другой вид вьюрковых — коноплянка *Carduelis cannabina* прежде в городе могла быть отмечена редко, лишь на пролёте. Наблюдать жизнь этих птиц приходилось далеко за пределами Новгорода. Теперь повсюду в городе можно было видеть летающие выводки этих птиц, а затем крупные стаи возмужалых коноплянок.

Два следующих вида — зеленушки *Chloris chloris* и щеглы *Carduelis carduelis* — никогда ещё не бывали не только в городе, но и в его окрестностях, так многочисленны, как они стали теперь, особенно осенью 1944 года. В какой бы район города ни пойти, утром ли, среди дня, или вечером, — повсюду можно было сгонять своим появлением с мест кормёжек большие стаи упомянутых птиц, как самостоятельные, так и смешанные. Крики и пение их неслось отовсюду и в то осеннее время, когда большинство других видов птиц прекратили давно свои песни и вообще стали молчаливы. В данном случае обилие зеленушек и щеглов, по сравнению с довоенным городом, объясняется просто: огромные площади лопуха (репейника) стали давать птицам их любимую пищу (семена) в полном изобилии.

Чижи *Spinus spinus* в городских пределах никогда не гнездились. Появлялись они кочующими стайками в городских садах в августе, т.е. в конце лета. Осенью стайки их становились многочисленными — птицы находили в городе среди садов и зелёных насаждений много берёз, которые давали им в пищу изобильные семена. Не стало теперь в городе для чижей этих кормовых баз, а это сказалось резко на их численности в сегодняшнем Новгороде — наблюдать их пришлось редко, причём стайки в городе не задерживались, а “шли” пролётом.

Не стало совсем дубоносов *Coccothraustes coccothraustes*, и ранее в Новгороде бывших немногочисленными. Прежде под осень город их привлекал ягодами черёмухи, каковых деревьев было много в городских садах.

Вьюрки северные *Fringilla montifringilla* объявились ныне 16 сентября, немного раньше своего среднего числа (в среднем за 20 лет — 21 сентября), но держались в городе очень недолго. Прежде эта птица в городской черте наблюдалась крайне редко.

Довольно обычным обитателем городских садов, особенно в тех кварталах, которые были отдалены от центра с его оживлённым и шумным движением, являлась горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*, но в настоящее время количество этих птиц нельзя сравнивать с прежним — оно возросло во много раз.

Несколько парадоксальным является и увеличение количества ласточек-воронков *Delichon urbica*. Гнездятся они, как всем известно, под карнизами и окнами в каменных зданиях. Последние в городе совершенно разрушены, но, видно, и руины представили ласточкам много удобных мест для размещения гнезда, и птицы заселили их плотнее прежнего.

Береговые ласточки *Riparia riparia*, конечно, никогда в городе не селились, но до войны их гнездовые колонии находились в непосредственной близости от Новгорода. Сейчас они все уничтожены, так как эти места изрыты траншеями, окопами, блиндажами и землянками.

Каменные дома, от которых остались одни коробки без крыш и междуэтажных перекрытий, разбитые, со множеством трещин и щелей, дали удобные для гнёзд места и стрижам *Apus apus*. Последних пришлось увидеть в разорённом Новгороде намного больше, чем раньше их было. Между прочим, в 1944 году наблюдался самый поздний за последние 25 лет их отлёт, который был отмечен 8 сентября (средняя дата 18 августа). Но эта аномалия уже чисто фенологического порядка.

Перейду теперь к синицам и родственным им по образу жизни птицам. Единственным видом из семейства Paridae, который гнезвился прежде в самом городе в небольшом числе, — была большая синица *Parus major*. Другие виды в поздне-весенний и летний периоды в городе вовсе не замечались; в рощах и садах они появлялись только осенью, когда у них началось время перекочёвок. Иные годы различные синицы надолго задерживались в городе и зимой, в случае, когда они здесь находили достаточно пищи. В описанных уже выше условиях разгромленного и разрушенного города изменились и количественные показатели для некоторых видов. По многолетним наблюдениям осеннюю жизнь синиц и некоторых с ними

связанных других птиц можно кратко охарактеризовать в следующих этапах. Гнездование, как правило, происходит в лесах. После вывода птенцов (большей частью двукратного) старые и молодые синицы кочуют по лесам сначала выводками, затем стайками. Далее видовые стайки соединяются в смешанные, к ним присоединяются поползни, пищухи. Когда происходит всеобщее запестрение деревьев, стайки начинают приближаться к человеческому жилью, и вот тогда они и появляются в пределах города, заполняя его парки и сады. Прежде всего в городе объявлялись большие синицы, часть которых и вывелась в его пределах. К ним скоро присоединяются представители других видов. Кочёвки этих смешанных стаяк в городе продолжались обычно долго, и только с наступлением холодов количество синиц резко уменьшалось, и ряд видов до весны исчезал вовсе. Вот схематический цикл образа жизни и сезонных явлений у синиц.

В 1944 году все виды синиц появились много раньше своих средних сроков, но что представляет главный интерес — в исключительно большом количестве, густо заселив заросли сорных трав, где, очевидно, нашли для себя богатый корм. Большие синицы не только в течение осени, но и зимой (до сего дня) кочуют по городу в чрезвычайно большом количестве, причём часто в течение дня можно видеть кучные стаи их, численностью в 50 и более птиц. Прежде крупными стаями, кочующими в городе, я считал 20-25 птиц.

Синицы-гаечки *Parus atricapillus* появились в городе в 1944 году очень рано — в первых числах августа. За 25 лет фенологических наблюдений самое раннее начало кочёвок гаек отмечено было мною в 1933 году — 26 августа, средняя же дата для этого явления падает на 8 сентября. Если большие синицы поразили привычный глаз орнитолога-наблюдателя своей многочисленностью, то гаечки наблюдались в конце лета и всю осень в таком исключительно большом числе, которого мне при постоянной практике количественного учёта птиц ещё замечать не приходилось. В течение нескольких месяцев, несмотря на изменения метеорологических условий, никакой амплитуды в численности этих птиц отметить не пришлось.

Прочие виды синиц — московки *Parus ater*, лазоревки *P. coeruleus*, длиннохвостые синицы *Aegithalos caudatus* провели свои кочёвки в пределах города в близких к довоенным годам численных масштабах. Несколько меньше обычного наблюдались за осень последние два вида, как более связанные при своих кормёжках с деревьями, которых осталось, как упомянуто выше, очень немного.

Пришлось при экскурсиях по разрушенному Новгороду отмечать в записной книжке и единичных князьков *Parus cyanus* — синицу, чрезвычайно редко попадающуюся в Новгородском крае.

Особый интерес представляет собою исключительно массовое появление в Новгороде поползней *Sitta europaea*. Они появились в городе со второй половины августа, много раньше своей средней даты (14 сентября). Хотя в Новгородском фенологическом календаре у меня имеются и более ранние даты их осенних перекочёвок (например, 9 августа 1937 г.), но в 1944 году они появились сразу в очень большом числе. Здесь мне хочется

подчеркнуть именно совершенно необычайное изобилие в городе этих птиц, буквально заполнивших его. Ежедневно, с половины сентября и почти до конца года, в какую бы часть города не пойти, везде можно было увидеть этих шустрых птиц и слышать их громкие посвисты. Самое интересное в том, что, как бы вопреки своей биологии, поползни десятки раз наблюдались, во-первых, не в одиночку, а небольшими стайками (в 5-7 птиц), во-вторых, очень часто не на деревьях (всё же сохранившихся в небольшом числе на некоторых улицах, в городском парке), а на земле — на исковерканных обстрелами мостовых, панелях, уличных дорогах. Приходилось видеть их, довольно ловко передвигающихся, не раз на площади в Кремле в сообществе с воробьями.

Массовое появление поползней в городских садах было отмечено в 1921 году (тогда же покойный Д.Н.Кайгородов писал мне, что и в Лесном их появилось очень много). Добавлю о том, что в 1921 году это были почти без исключения "*Sitta uralensis*". Ныне также было больше *uralensis*, чем нашего обычного *S. e. europaea*. В заключение скажу, что обилие поползней в городе было настолько бросающимся в глаза явлением, что его подмечали не только люди, присматривающиеся к окружающей их природе, но и совершенно равнодушные к ней.

Несколько большими и не совсем обычными были кочёвки крапивников *Troglodytes troglodytes* — птицы часто попадались стайками в 4-6 птиц.

Гибель в Новгороде древесной растительности сильнее сказалась на корольках *Regulus regulus*, на пищуках *Certhia familiaris* и, наконец, на представителях дятловых. Их теперь стало осенью в Новгороде меньше, чем в довоенные годы, но одновременно с этим нужно отметить, что нынче пришлось впервые зарегистрировать неоднократное появление *Dryocopus martius*. Никогда ещё, по личным наблюдениям, чёрный дятел сюда не залетал — город отпугивал его своим шумом, уличным движением.

Вырубка кустарников и гибель их от других причин в садах, скверах и т.д. очень уменьшило число славков (*Sylvia atricapilla*, *S. borin*), а серую славку или говорунчика *S. communis* и совсем не пришлось теперь зарегистрировать, несмотря на тщательные её поиски.

Вырубка таких древесных пород, как боярышник, рябина, калина, лишили мест кормёжек прилетающих к нам осенью свиристелей *Bombicilla garrulus*, которые сейчас не задерживались в городе и встречались в нём очень редко.

Наконец, небольшие изменения в связи с разрушением города, а также со слабой его населённостью, произошли и отмечены и для Corvidae.

Из врановых птиц, не говоря о появлявшейся в заметном числе с осени серой вороне *Corvus cornix*, обычными и многочисленными обитателями города до войны были галки *Corvus monedula* и грачи *C. frugilegus*. Разрушения в городе зданий, лишив галку удобных и привычных мест для постройки гнёзд, уменьшили теперь число этих птиц, а гибель от обстрела грачиных колоний сократила в настоящее время и число грачей, живущих в городских парках и рощах.

Более интересны наблюдения над вóронами *Corvus corax*. Прежде эту птицу можно было отмечать только зимою на городских свалках, расположенных сразу же за чертой города. Теперь ворон стал самой обычной птицей даже в центре города, причём любопытнее всего то, что очень часто этих птиц можно видеть не одиночными экземплярами или парами, а по 5-7 птиц, летающих вместе.

В середине зимы в городе появились в большом количестве сороки *Pica pica*, в то время как прежде они осмеливались изредка появляться только на окраинах самых глухих улочек у внешней границы городской черты.

Безлюдье в городе, с одной стороны, обилие добычи — с другой, привлекли сюда дневных и ночных пернатых хищников, часты стали ястреба, различные соколы, луны, а из сов — *Strix aluco*, *Asio flammeus* и даже изредка замечались *Asio otus*.

В заключение своего беглого очерка укажу ещё о появлении некоторых млекопитающих в городе, прежде для него необычных. Во всех пунктах города стали постоянно наблюдаться мелкие полевые грызуны. Домовые же мыши и крысы размножились в невероятном количестве, но это явление в настоящее время характерно не только для разрушенного Новгорода, оно наблюдается повсюду, в том числе в глубоко-тыловых, нетронутых войной городах. Для Новгорода интересней отметить ещё появление, даже в центральных участках города, горностаев, а с наступлением зимы и многочисленных зайцев.

Как изумительно быстро дикая природа заполнила своими представителями и растительного и животного мира город, как только он был разрушен и почти покинут людьми.

Новгород был занят немцами в конце августа 1941 года. Ко времени оставления его нашими войсками город уже на 60-70% был разрушен фугасными и зажигательными авиабомбами и огнём дальнбойной артиллерии. Сорные травы начали захватывать себе участки только в 1942 году, полное заселение ими города произошло в 1943 году. По-видимому, только в этом году, благодаря изобилию указанной растительности, давшей приют многочисленным в свою очередь насекомым, столь широкое распространение получили и описанные выше многие виды птиц. В дальнейшем же, начиная с 1945 года, в связи с постепенным восстановлением Новгорода и увеличением его населения, придётся наблюдать обратное явление: сорная растительность будет систематически уничтожаться, пропадут благоприятные условия гнездования и кормёжек для многих птиц, а отсюда богатое пернатое население вновь начнёт количественно сокращаться, а часть видов покинет снова город навсегда.

ПТИЦЫ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

Казань: Мастер Лайн. 2001

Монография подготовлена коллективом авторов из числа ведущих орнитологов и зоологов Среднего Поволжья и сопредельных регионов. В написании глав книги приняли участие: Х.Ф.Балдаев, О.В.Бородин, Л.Н.Воронов, Э.В.Гавлюк, Д.В.Залозных, С.В.Корнев, А.С.Лапшин, Е.В.Лысенков, Д.В.Магдеев, А.Ф.Маматов, А.И.Мацина, Е.Л.Мацина, А.Г.Меньшиков, И.В.Муравьев, С.И.Павлов, И.И.Рахимов, Ю.А.Симонов, Ю.А.Тюлькин, В.В.Фролов, Н.Т.Хмельков, А.И.Шураков, С.А.Шураков, В.П.Ясюк. Ответственный редактор И.И.Рахимов.

Материалы монографии отражают современное состояние, историю формирования, изменения населения и фауны птиц городов Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Пензы, Перми, Самары, Саранска, Ульяновска, Уфы, Чебоксар, Оренбурга, Вятских Полян. Многие сведения публикуются впервые и основаны на исследованиях, проведённых в ряде регионов в последние годы. 272 с. Табл. 65. Библ. 247 назв.

